

Л.Н. Майков

**Журнал Министерства
Народного Просвещения**

Часть 174

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Л11

Л11 **Л.Н. Майков**
Журнал Министерства Народного Просвящения: Часть 174 / Л.Н. Майков –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-8850-3

Журнал министерства народного просвящения.

ISBN 978-5-4241-8850-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

пенной работы, и сравненіе этихъ двухъ книгъ приводитъ къ очень отрадному заключенію, что авторъ, съ теченіемъ лѣтъ, значительно усовершенствовалъ свои ученые приемы, расширилъ ихъ и приобрѣлъ болѣе самостоятельности и осмотрительности въ научныхъ воззрѣніяхъ. Какъ это обстоятельство, такъ и значительные положительные результаты изслѣдованія г. Барсова даютъ его сочиненію видное мѣсто въ нашей историко-географической литературѣ.

Не принимая на себя обязанности представить, въ настоящей статьѣ, полную и всестороннюю его оцѣнку, мы постараемся высказать лишь нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу изысканій г. Барсова, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ по самымъ вопросамъ, изученію которыхъ трудъ его посвященъ.

I.

Двойное заглавіе сочиненія г. Барсова показываетъ, что оно составляетъ лишь первый отдѣлъ предпринятаго имъ историко-географическаго труда, при чемъ второе заглавіе ближайшимъ образомъ опредѣляетъ содержаніе пыщѣ издавннй книги. II дѣйствительно, изслѣдованіе географическихъ данныхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ не можетъ не быть основною задачею русской исторической географіи по самому значенію, въ ряду источниковъ древнѣйшей нашей исторіи, этого памятника, который впервые выясняетъ понятіе о *Русской землѣ*. Такъ и понялъ свою задачу г. Барсовъ: въ предисловіи къ изданному изслѣдованію онъ именно говоритъ, что книга его имѣетъ цѣлью „не полное, всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху начальной лѣтописи, но главнымъ образомъ разсненіе только тѣхъ вопросовъ этого обширнаго предмета, которые ставитъ сама лѣтопись, и потому ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ“ (стр. 9).

Цѣли своихъ изысканій авторъ достигаетъ слѣдующимъ образомъ: Въ I-й главѣ онъ говоритъ вообще о начальной лѣтописи, какъ о „географическомъ источникѣ“, описываетъ міръ, извѣстный лѣтописи, и затѣмъ, сосредоточивая свое вниманіе на ея извѣстіяхъ о восточно-европейской равнинѣ, очерчиваетъ устройство поверхности этой равнины, перечисляетъ рѣки, ее орошающія, и указываетъ на ихъ значеніе, какъ путей передвиженія при ея заселеніи. Во II-й главѣ авторъ касается географической связи между разнороднымъ населеніемъ восточно-европейской равнины и опредѣляетъ общія этнографическія

понятія лѣтописца, перечисляетъ извѣстныя ему народныя группы Лѣтовой части и затѣмъ входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ изъ названныхъ группъ, которыя заселяли восточно-европейскую равнину. Такимъ образомъ подробно разсмотрѣны: во второмъ отдѣлѣ II-й главы Литва, въ главѣ III-й—Чудь, а въ слѣдующихъ главахъ, отъ IV-й до VIII-й (последней) включительно, Русскіе Славяне, при чемъ относительно каждаго племени литовскаго, финскаго или русско-славянскаго, напимѣръ, Ятвяговъ, Заволочской Чуди, Кривичей и т. д., авторъ старается отмѣтить предѣлы его расселенія и обитаемыя имъ поселки, и сверхъ того, относительно русско-славянскихъ племенъ опредѣляетъ еще границы образовавшихся изъ нихъ княженій и спеціально говоритъ (въ главѣ IV-й) о разныхъ видахъ славянскихъ населенныхъ мѣстъ и объ особенностяхъ поселковъ порубежныхъ.

Изъ этого краткаго, но возможно точнаго обзора содержанія труда г. Барсова видно, что его изслѣдованіе имѣетъ двойственное отношеніе къ начальной лѣтописи, то-есть, съ одной стороны, разсматриваетъ ее какъ памятникъ географическихъ свѣдѣній извѣстной эпохи, а съ другою—пользуется уже этими данными, чтобъ изъ свода ихъ составить географическую картину Руси, современной начальной лѣтописи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оба эти результата прямо и непосредственно вытекаютъ изъ намѣреній автора и объясняются цѣлью, которую онъ себѣ избралъ. Но нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что г. Барсовъ не провелъ достаточно опредѣленной грани между этими двумя категориями своихъ разысканій, изъ которыхъ каждая имѣетъ самостоятельный интересъ. Намъ кажется, что автору непосредственно слѣдовало выдѣлять въ одно цѣлое всѣ свои замѣчанія о Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ о памятникѣ географическихъ свѣдѣній. Такого рода введеніе пролило бы большой свѣтъ на всю остальную работу его, представивъ критическую оцѣнку ея основнаго матеріала, и вмѣстѣ съ тѣмъ, составило бы, само по себѣ, весьма любопытную страницу изъ не написанной еще исторіи географическихъ познаній на Руси. Между тѣмъ, по нынѣшнему плану сочиненія, замѣчанія этого рода хотя и отведено значительное мѣсто въ I-й главѣ, предметъ этотъ здѣсь не изчерпывается, и авторъ возвращается къ нему въ слѣдующихъ главахъ. Высказываемое нами желаніе тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что въ новѣйшее время было заявлено и подтверждено убѣдительными доказательствами мнѣніе о наклонности составителя начальной лѣтописи къ тенден-

цловымъ умствованіямъ. Въ виду такого мнѣнія тщательное разсмотрѣніе состава и источниковъ географическихъ извѣстій Повѣсти временныхъ лѣтъ не можетъ быть сочтено за излишнее.

Признавая, такимъ образомъ, весьма важнымъ предварительную оцѣнку начальной лѣтописи въ смыслѣ памятника русскихъ географическихъ свѣдѣній XI—XII вѣковъ, мы считаемъ полезнымъ разсмотрѣть въ совокупности хотя бы тѣ замѣчанія по этому предмету, которыя находятся въ книгѣ г. Барсова, и уже послѣ того перейдемъ къ обзору остальныхъ частей этого труда, относящихся собственно къ географіи древней Руси.

Въ самомъ началѣ своего сочиненія г. Барсовъ высказываетъ раздѣляемое большинствомъ современныхъ ученыхъ мнѣніе, что „начальная лѣтопись есть не что иное, какъ лѣтописный сводъ, составленный изъ отдѣльныхъ сказаній, замѣтокъ, официальныхъ документовъ и мѣстныхъ извѣстій“ (стр. 3). Но въ этомъ обстоятельствѣ почтенный изслѣдователь видитъ и псеудство для ученыхъ изысканій. „Въ этой массѣ разнообразныхъ и разсѣпанныхъ фактовъ“, говоритъ онъ, „личность лѣтописца теряется. Изслѣдователь не имѣетъ возможности судить ни о его подготовкѣ, ни о средствахъ, которыми онъ располагалъ для своего труда. Этотъ важный пробѣлъ представляетъ значительныя затрудненія, между прочимъ, и для изученія лѣтописной географіи. Имѣя дѣло съ лѣтописнымъ трудомъ одного человѣка, было бы возможно пріурочить открывающіеся въ немъ кругъ географическихъ знаній къ опредѣленному времени и мѣсту, и отдѣливъ то, что лѣтописецъ могъ почерпнуть изъ народнаго преданія и письменныхъ источниковъ, отъ того, что онъ зналъ по личнымъ наблюденіямъ, что принадлежитъ собственно ему,—тѣмъ самымъ съ большею точностью возстановить географическій кругозоръ времени, въ которое онъ жилъ. Теперь же приходится имѣть дѣло съ разновременными географическими данными весьма продолжительной эпохи, обнимающей слишкомъ два съ половиною столѣтія“ (стр. 4).

На нашъ взглядъ затрудненія, указываемыя г. Барсовымъ, нѣсколько преувеличены. Какъ бы ни было несомнѣнно, что начальная лѣтопись есть памятникъ, постепенно сложившійся усердіемъ нѣсколькихъ писателей, трудившихся въ разныхъ мѣстахъ,—тѣмъ не менѣе содержаніе этого древнѣйшаго изъ сохранившихся до насъ лѣтописныхъ сводовъ нельзя считать совершенно лишеннымъ цѣльности. Поэтому одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей нашей начальной лѣ-

тониси, г. Бестужевъ-Рюминъ, отрицая возможность смотрѣть на Повѣсть временныхъ лѣтъ, какъ на произведеніе цѣльное по своему составу, въ то же время основательно допускаетъ присутствіе въ немъ одного общаго воззрѣнія: „То“, говоритъ онъ, — „что до сихъ поръ считалось взглядами извѣстнаго лѣтописца, теперь скорѣе можно признавать взглядомъ книжниковъ цѣлой эпохи“¹⁾. Это замѣчаніе вполне приложимо и къ географическимъ извѣстіямъ лѣтописи. Внимательное разсмотрѣніе ихъ убѣждаетъ насъ, что въ этихъ извѣстіяхъ излагаются факты общезвѣстные въ свое время, совокупность которыхъ опредѣленно представляетъ географическій кругозоръ просвѣщенныхъ людей конца XI и начала XII вѣка. Цѣльность географическихъ понятій лѣтописи подтверждается изслѣдованіемъ самого г. Барсова: между тѣмъ какъ хронологическія противорѣчія въ Повѣсти временныхъ лѣтъ давно уже были указываемы изслѣдователями, автору „Географіи начальной лѣтописи“ не пришлось отмѣтить ни одного разногласія или противорѣчія географическаго ни при сличеніи и объясненіи частныхъ лѣтописныхъ указаній, ни при разборѣ вступленія Повѣсти, представляющаго столь богатый матеріалъ для характеристики общихъ географическихъ понятій этого драгоценнаго памятника²⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, г. Барсовъ обращаетъ особенное вниманіе на эту вводную часть начальной лѣтописи. Обозначивъ предѣлы извѣстнаго ей міра, г. Барсовъ особенно подробно разсматриваетъ перечень земель и народовъ, находящійся въ началѣ Повѣсти, послѣ извѣстія о раздѣленіи земли на три жребія между сыновьями Ноевыми: „Внимательное разсмотрѣніе связи, въ которой стоитъ этотъ переченьъ къ общему ходу лѣтописнаго разказа“, говоритъ г. Барсовъ, — „при-

¹⁾ О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, стр. 59.

²⁾ Некоторое противорѣчіе можетъ быть усмотрѣно между представленіемъ Варяжскаго моря въ началѣ лѣтописи и извѣстіемъ Гюргы Роговича о Сѣверномъ океанѣ подъ 1036 годомъ (П. С. Р. Л., I, стр. 107). Но г. Барсовъ (прим. 23) и въ данномъ случаѣ указываетъ только на несвязность, а не на противорѣчіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящихъ замѣтокъ мы коснемся времени образованія нѣкоторыхъ частей географическаго перечня въ началѣ лѣтописи. Противорѣчіями нельзя считать и такіе случаи, когда одно мѣсто лѣтописи появляется и объясняется другимъ: это — обстоятельство, незабывное въ сочиненіи не специально географическомъ, но въ то же время богатомъ географическими данными.

водитъ, однако, въ мысли, что онъ внесенъ въ Повѣсть позднѣе, и что въ ея первоначальной, для насъ утраченной, редакціи его могло и не быть. Онъ не только не вызывается задачей Повѣсти, такъ ясно выраженной въ заглавіи, но и противорѣчитъ послѣдовательности разказа (стр. 5). Эту догадку г. Барсовъ подтверждаетъ указаніемъ на то обстоятельство, что вслѣдъ за перечнемъ разныхъ земель и народовъ говорится о существованіи одного языка, о столпотвореніи Вавилонскомъ и о раздѣленіи языковъ, когда въ племени Афетовомъ произошли и „Норци, еже суть Словѣне“. „Очевидно“, заключаетъ изслѣдователь, — „что эта замѣтка и предшествующій ей перечень исключаютъ другъ друга, при чемъ или замѣтку, или перечень надо признать позднѣйшею вставкой, и конечно, скорѣе всего подробный перечень, такъ какъ краткая замѣтка составляетъ естественный приступъ Повѣсти къ разказу, и безъ нея Повѣсть, не смотря на перечень, все-таки не имѣла бы начала. Тѣмъ не менѣе нельзя отказать перечню въ весьма раннемъ происхожденіи. Уже то обстоятельство, что онъ встрѣчается почти во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ начальной лѣтописи, даетъ поводъ думать, что онъ внесенъ въ нее первымъ составителемъ свода, можетъ быть, игуменомъ Сильвестромъ, а продолженіе его, описаніе западной и особенно сѣверо-восточной Европы, могло возникнуть не позже XI или начала XII вѣка“ (стр. 5—6).

Трудно, однако, согласиться съ этою догадкой о вставкѣ перечня. Извѣстно, что одна изъ составныхъ частей его, исчисленіе восточныхъ и полуденныхъ странъ, внесена въ лѣтопись изъ Временника Георгія Амартола (ср. у г. Барсова стр. 6—7 и примѣчанія 7 и 8); но такъ какъ этотъ хронографъ есть вообще одинъ изъ главныхъ источниковъ нашей начальной лѣтописи, и такъ какъ вставки изъ него встрѣчаются неоднократно въ разныхъ мѣстахъ ея, то очевидно, составленіе перечня, съ цитатою изъ Амартола, принадлежитъ тому же лицу, которое составило и всю остальную лѣтопись и пишѣмъ ся видѣ, и притомъ, пользовалось столь цѣннымъ для него византійскомъ временникомъ. Что же касается нѣкотораго, замѣчаемаго г. Барсовымъ, разногласія между перечнемъ и непосредственно послѣ него помѣщеннымъ въ лѣтописи разказомъ о первоначальномъ единствѣ человеческого языка, о столпотвореніи Вавилонскомъ и о раздѣленіи народовъ, то очевидно, разногласіе это произошло вслѣдствіе того, что лѣтописецъ желалъ пополнить свѣдѣнія Амартола о смѣшеніи языковъ нѣкоторыми подробностями о томъ же предметѣ изъ Пален, между прочимъ, цифрой образовавшихся язы-

ковъ—72, которой Амартолъ не упоминаетъ, но сдѣлалъ пополненіе не совсѣмъ искусно ¹⁾.

Обращаясь ко второй части перечня, заключающей въ себѣ описаніе восточной и западной Европы, г. Барсовъ очень вѣрно отмѣчаетъ отличія этой части отъ той, которая основана на книжномъ источникѣ византійскаго происхожденія. Онъ признаетъ, что это описаніе относительно восточной Европы основывается на непосредственномъ наблюденіи или на разказахъ очевидцевъ, а относительно Европы западной—на народномъ преданіи. При этомъ авторъ, слѣдуя Карамзину и особенно Шегрену ²⁾, полагаетъ, что представляемая лѣтописью картина расселенія племенъ въ восточной Европѣ принадлежитъ концу XI и началу XII вѣка, а съ другой стороны, указывая, что въ описаніи западной Европы „лѣтописецъ ограничивается ея побережьями и называетъ только племена, живущія вдоль береговъ внутреннихъ морей и Атлантическаго океана“ (стр. 8), авторъ усвоиваетъ мнѣніе профессора П. Д. Вѣляева, высказанное въ статьѣ „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи“ ³⁾, что свѣдѣнія такого рода „могли быть получены (Русскими) только отъ Норманновъ, которымъ, какъ извѣстно, были близко знакомы европейскія побережья, съ VIII вѣка посѣщаемыя ими для торговли, а больше для грабежа и разбоевъ, но которые мало знали внутреннія земли Европы, поднимаясь въ глубину ихъ довольно рѣдко, по теченію только значительнѣйшихъ рѣкъ“ (стр. 8). Если принять такое происхожденіе лѣтописныхъ свѣдѣній о западной Европѣ, то конечно, принесеніе ихъ на Русь нельзя приурочить ко времени позже конца

¹⁾ Сличеніе соответствующихъ мѣстъ изъ Амартола, Пален и Повѣсти армянскихъ лѣтъ см. у г. Сухомянова: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ» въ *Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русской языка и словесности*, стр. 63 и 64. По справедливому замѣчанію г. Сухомянова, «сличеніе трехъ текстовъ любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ отчасти на способъ, какимъ лѣтописецъ нашъ пользовался различными источниками, бывшими у него подъ рукою».

²⁾ *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Росс., I (изд. Эйнерманна), стр. 23: «Многіе изъ славянскихъ и латышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, то-есть, объ XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею Россіей Европейскою». Ср. *J. A. Sjögren's Gesammelte Schriften*, I, 483—485. Шегренъ находитъ зародыши этой мысли еще у Шлецера, и въ свою очередь, разсказываетъ намъ Карамзина въ приложеніи къ финскому племени Емъ. Ср. у г. Барсова прим. 11.

³⁾ *Записки Имп. Р. Геогр. Общества*, VI, стр. 2—4.

X вѣка. Но въ такомъ случаѣ свѣдѣнія лѣтописнаго перечня о западѣ и востокѣ Европы представляютъ два слоя различные въ хронологическомъ отношеніи. А такъ какъ подобнаго разслоенія допустить нельзя вслѣдствіе той тѣсной связи, въ которой перечень излагаетъ описаніе обѣихъ названныхъ частей Европы, то выйти изъ указаннаго хронологическаго разногласія можно только отвергнувъ мнѣніе Шегрепа и признавъ, вмѣстѣ съ П. Д. Бѣляевымъ, что описаніе восточной Европы въ перечнѣ представляетъ ее въ эпоху болѣе раннюю, чѣмъ конецъ XI и начало XII вѣка. Въ пользу этой послѣдней догадки можно привести нѣсколько доказательствъ—частью изъ самой книги г. Барсова. Такъ, напримѣръ, онъ справедливо указываетъ, что племенные названія Русскихъ Славянъ болыною частью утратились уже въ началѣ XII вѣка, а между тѣмъ въ перечнѣ они имѣютъ весьма живой смыслъ. Съ другой стороны, самая бѣдность свѣдѣній перечня о западной Европѣ, въ особенности о центральной части ея материка, никакъ не можетъ соответствовать той эпохѣ, къ которой приурочивается перечень Шегрепомъ: принимая въ соображеніе извѣстія о бракахъ дочерей Ярослава и о торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ Руси съ Германіей и сѣверо-западными Славянами въ XI и XII вѣкахъ, нельзя не думать, что въ эпоху составленія начальной лѣтописи на Руси знали о континентальной Европѣ больше, чѣмъ сколько даетъ лѣтописный перечень ¹⁾).

Такимъ образомъ, изъ вышесказаннаго видно, что соображеніи г. Барсова какъ о времени составленія перечня, такъ и объ отношеніи его къ прочимъ частямъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, не во всѣхъ частяхъ могутъ быть признаны вполне основательными. Тѣмъ не менѣе, мы съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ намѣренію, которое руководило почтеннымъ авторомъ въ анализѣ этого космографическаго параграфа начальной лѣтописи, и отдаемъ полную справедливость отдѣльнымъ его замѣчаніямъ по этому предмету. Такъ, онъ весьма удачно и обстоятельно развиваетъ высказанную еще С. М. Соловьевымъ мысль о томъ, что по представленію лѣтописи, Варяжское (Балтійское) море имѣетъ протяженіе съ запада на востокъ

¹⁾ Если справедливо мнѣніе Круга, что упомянутые въ лѣтописномъ перечнѣ «Корлязи» означаютъ французскихъ Каролинговъ, или точнѣе говоря, ихъ владѣнія, то это служитъ новымъ доказательствомъ въ пользу того, что извѣстія перечня относительно западной Европы не относятся къ концу XI в., а восходятъ къ X: династія Каролинговъ прекратилась во Франціи въ 987 г., а въ Германіи — еще раньше, въ 911 году.

(стр. 10 — 12). По указанію г. Барсова, точно также представляли себѣ Балтійское море и нѣкоторые западные писатели XI и XII вѣковъ, и еще чаще—арабскіе географы XI—XIII столѣтій. Въ дополненіе къ этимъ сблжепіямъ можно указать, что такое же представленіе Балтійскаго моря въ связи съ океаномъ, омывающимъ сѣверные берега обитаемаго материка, подтверждается весьма наглядно картами того времени, и въ особенности, англо-саксонскою картою X вѣка, которая находится въ Британскомъ музеѣ и издана, между прочимъ, у Лелевеля и Вивіена де-Сенъ-Мартена ¹⁾).

Къ сожалѣнію, разборомъ перечня странъ и народовъ, стоящаго во главѣ введенія къ Повѣсти временныхъ лѣтъ, г. Барсовъ ограничиваетъ, въ I-й главѣ своего сочиненія, изслѣдованія свои о составѣ и характерѣ географическихъ извѣстій этой, какъ мы уже замѣтили, особенно важной въ настоящемъ случаѣ части лѣтописнаго свода. Сообщая весьма мало указаній по этому предмету и въ другихъ главахъ своего труда, авторъ, такимъ образомъ, обходитъ свою критикою нѣсколько историко-географическихъ замѣтокъ лѣтописнаго введенія, которыя слѣдуютъ въ немъ непосредственно за перечнемъ и примыкающимъ къ нему разказомъ о смѣшеніи языковъ, и правильное уразумѣніе которыхъ существенно важно для характеристики какъ пріемовъ лѣтописи въ дѣлѣ изложенія фактовъ, такъ и общихъ понятій лѣтописцевъ въ области географическихъ знаній.

Какъ извѣстно, г. Геденовъ, въ своихъ „Изслѣдованіяхъ о Варяжскомъ вопросѣ“, весьма остроумно указалъ на наклонность составителя начальной лѣтописи къ псевдо-критическимъ умствованіямъ и нагнренной систематизаціи ²⁾. Г. Куникъ, въ свою очередь, усвоилъ себѣ въ значительной мѣрѣ этотъ взглядъ на нашего старѣйшаго лѣтописца, и въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу рецензіи г. Погодина на изслѣдованіе г. Геденова, съ этой точки зрѣнія обращаетъ вниманіе на одно изъ тѣхъ мѣстъ историко-географическаго содержанія, изъ введенія къ лѣтописи, которыя, какъ мы замѣтили выше, не подвергнуты критическому разсмотрѣнію у г. Барсова. Въ указываемомъ почтеннымъ академикомъ параграфѣ лѣтописи идетъ рѣчь объ

¹⁾ *Leleuel, Géographie du moyen age, atlas, pl. VI; Vivien de Saint-Martin, Atlas dressé pour l'histoire de la géographie et des découvertes géographiques, pl. VI.*

²⁾ Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, *С. А. Геденова*, стр. 46—53.

изгнаніи Славянъ съ Дуная Волохами (Дакороманами или Румынами) и о послѣдовавшемъ затѣмъ разселеніи разныхъ вѣтвей Славинства въ центральной, и частью, восточной Европѣ. „Въ этомъ мѣстѣ“, говоритъ г. Куникъ, — „въ полномъ блескѣ высказывается у Нестора охота систематизировать, хотя она, можетъ быть, навѣяна на него со стороны. Какіе рѣзкіе анахронизмы допускаетъ опъ здѣсь со всею наивностью. Откуда взялъ онъ свое извѣстіе объ изгнаніи Славянъ съ Дуная Волъхами? Допуская въ основаніи этого извѣстія дѣйстви-тельно народное преданіе, его нельзя бы было относить къ древне-му, хронологически едва ли опредѣлимому, переселенію Славянъ (и ихъ близкихъ сродниковъ — Пруссовъ, Литовцевъ и Латышей) изъ Азіи на сѣверъ Европы: по высшей мѣрѣ въ этомъ преданіи можно было бы признать слѣдъ воспоминанія объ отгѣспеніи на сѣверъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, выдвинувшимися къ югу, (оракійскими) Даками и Дакороманами со времяъ Траяна. Завоеваніе Дакии Римлянами должно было произвести въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ движеніе пародовъ и долго могло бы оставаться хоти въ темпѣ воспоминанія у Славянъ. Но теперь можно смѣло утверждать, что раздѣленіе Славянъ на двѣ главныя вѣтви должно было произойти на сѣверо-востокѣ Европы за долго до Траяна“¹⁾. Указывая при-томъ, что лѣтопись наша не знаетъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ древнѣйшихъ судебъ Славянъ, совершившихся уже на глазахъ исторіи, каковы движенія Чеховъ и Мораванъ изъ южной Польши къ западу по паденіи Гуннской державы, или переходъ Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ задунайскія жилища изъ закарпатскихъ въ VII вѣкѣ,—г. Куникъ отрицаетъ возможность вывести сказаніе о Волохахъ, вытѣс-нившихъ Славянъ съ Дуная, изъ *народнаго преданія*, но за то допу-скаетъ, что „до Нестора могло дойти *ученое мнѣніе*, происшедшее изъ примѣщеніи извѣстій классическихъ писателей къ Славянамъ“, и что слова нашей лѣтописи суть „лишь отголосокъ ложной Краков-ской учености XI вѣка“²⁾. „Если же“, заключаетъ ученый акаде-микъ,—„Несторъ хотъ разъ позволялъ себѣ вымышлять исторію вмѣ-сто того, чтобы передавать извѣстные ему факты, то онъ также при-надлежитъ къ категоріи историческихъ писателей, какъ Кадлубекъ и коми., и ислѣдователь имѣетъ достаточную причину и въ другихъ

¹⁾ Г. Геденовъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Русн, *М. По-людина*.—Замѣчанія А. Куника, 54—55.

²⁾ Тамъ же, стр. 57 и 56.

его разказахъ выдѣлять то, въ чемъ болѣе или менѣе отражается дѣйствіе его (фантазія“¹⁾).

Нѣтъ, кажется, надобности распространяться о научной важности заявленныхъ гг. Гедеоновымъ и Куникомъ мнѣній относительно наклопности составителя начальной лѣтописи къ систематизаціи; достаточно напомнить, что новѣйшія изслѣдованія какъ о составѣ самой лѣтописи (г. Вестужева-Рюмина), такъ и по варяжскому вопросу (г. Плопайскаго), уже послышались на себѣ, хотя бы отчасти, слѣдъ этой идеи. Между тѣмъ, г. Барсовъ вовсе не принимаетъ въ соображеніе плодотворную мысль г. Гедеонова при сужденіи о составѣ лѣтописныхъ географическихъ извѣстій вообще, да и въ частности, по вопросу о народности Волоховъ и объ ихъ пашествіи, будто бы двинувшемъ Славяпъ съ Дуная къ сѣверу, высказываетъ (въ главѣ IV-й своей книги) мнѣніе, весьма далекое отъ вышеизложенныхъ соображеній г. Куника. Пашествіе Волоховъ на Дунай есть для г. Барсова событіе „извѣстное“ (стр. 59), именно—„совершившееся въ VI вѣкѣ до Р. Х. движеніе Кельтовъ съ запада въ Иллирію и Паннонію и борьба, которую они начали тамъ съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ“ (стр. 63). Вслѣдствіе этой борьбы, значительная часть дунайскихъ Славянъ выселилась на сѣверъ отъ Карпатъ и нашла себѣ пріютъ у Славянъ подднпровскихъ, повислянскихъ и полабскихъ. Преданіе объ этой борьбѣ, а равно и о дальнемъ пребываніи на берегахъ тихаго Дуная, хранилось среди Славянъ, измѣнившись, однако, въ томъ отношеніи, что подъ именемъ Волоховъ стали въ немъ разумѣть не Кельтовъ уже, а Италіанцевъ. Какъ бы то ни было, изъ этого народнаго преданія, основаннаго на извѣстномъ историческомъ событіи, наша начальная лѣтопись извлекла свое краткое извѣстіе. Такъ излагаетъ дѣло г. Барсовъ, заимствуя это воззрѣніе изъ „Славянскихъ древностей“ Шафарика, который посвятилъ вопросу о пашествіи Волоховъ подробное изслѣдованіе²⁾. Однако, какъ бы ни былъ великъ авторитетъ знаменитаго чешскаго ученаго, позднѣйшая критика отнеслась къ заключеніямъ его на столько строго, что г. Куникъ, въ упомянутой статьѣ своей (стр. 56), могъ выразиться о томъ слѣдующимъ образомъ: „Попытка Шафарика исторически связать (Несто ровыхъ) Волоховъ (въ значеніи Кельтовъ) съ Славянами до Р. Х. оказалась

¹⁾ Тамъ же, стр. 57.

²⁾ Слав. Древности, переводъ О. Бодянскаго, изд. 2-е, т. I, кн. 1-я, стр. 377—406.